

2

— Обед готов, — сказала мама, когда Купер зашёл на кухню.

— Можешь достать молоко? — тихо попросила Джесс.

Купер молча поглядел на них обеих. Обед? Молоко? И это всё, что их волнует после сегодняшних новостей? Да и не могли же они не слышать, какой разгром учинил Купер на дорожке. И всё-таки Джесс не оторвалась от математики, которую делала за кухонным столом, а мама по-прежнему хлопотала у плиты.

Купер открыл дверцу холодильника и чуть ли не минуту таращился на его содержимое. Голова гудела так сильно, что он уже успел забыть, зачем сюда полез.

— Молоко, — напомнила Джесс.

— Угу. — Жёлтая крышка, криво привинченная ещё после завтрака, отлетела в сторону, когда Купер с размаху шарахнул почти полную пластмассовую канистру на стол.

— Купер! — Джесс подскочила на стуле и сердито глянула на брата.

— Ах какие мы нежные!

— Пожалуйста, в следующий раз будь аккуратней, — сказала мама, усаживаясь. — Незачем так швыряться.

— Вот-вот, — поддакнула Джесс.

— Я не швырялся! Я просто... — Купер сел на своё место и закрыл рот, когда мама поставила перед ним тарелку.

Опять яйца.

Купер ничего не имел против яиц. Когда-то он их даже любил. Но в доме Стюартов их ели так часто, что немудрено было возненавидеть. Яичница-глазунья, яичница-болтунья, яйца всмятку, омлет. На завтрак, на обед и на ужин. Что ж поделаешь, если у сестры диабет, а мама — вегетарианка, да и времени ей катастрофически не хватает!

— Ей необходим белок, — в один голос заявили врачи четыре года назад, когда Джесс

поставили диагноз. Девочке, которая прежде жила на гамбургерах, сыре и кукурузных хлопьях, пришлось привыкать к новой сложной диете.

С тех пор они все многому научились.

Джесс узнала, что её организм больше не может усваивать пищу без постоянных уколов инсулина — это такой гормон. Чтобы определить необходимую дозу, перед каждым уколом надо было тыкать иглой в палец и добывать капельку крови для анализа. В самые тяжёлые дни это повторялось раз по двадцать.

Купер узнал, что шестилетняя девочка нипочём не может выдержать укол без слёз и криков. Диабет отказывался брать выходные, как бы ни умоляла Джесс. Щелчки скарификатора — выкидной иголки в пластмассовом корпусе — стали для Купера столь же привычными, как мамин голос.

Мама научилась готовить десяток новых блюд из яиц и успокаивать рыдающую дочку. А папа научился исчезать. Он всё реже играл с детьми, почти не помогал им делать уроки, начал работать допоздна, часто ходил куда-то с приятелями или же просто часами сидел, уставившись в телевизор.

— Когда ты сегодня вернёшься? — спросила Джесс у мамы, жуя омлет.

— Как всегда по понедельникам, детка.

— Это во сколько?

— В десять вечера, — сказал Купер. — У неё курсы гончарного дела начинаются в семь тридцать и кончаются в девять тридцать. Как на прошлой неделе. И позапрошлой. И позапозапрошлой. И поза...

— А тебе обязательно вести эти курсы? — спросила Джесс, не обращая внимания на брата. — Тебя же никогда нет дома.

— Почему никогда? Только три вечера в неделю.

— Не понимаю, зачем тебе вообще кого-то учить? Ты же и так работаешь целыми днями.

Мама положила вилку и обеими руками потёрла лицо. Купер полоснул сестру недобрим взглядом. Ему ужасно хотелось наорать на Джесс, обругать за глупость. Сдерживался он только потому, что боялся ещё сильнее расстроить маму. Ему вроде как не полагалось знать, что отец присылает смехотворно маленькие алименты — лишь бы кое-как выполнить условия развода; что

маме едва хватает на выплаты за дом и на еду; что из-за этого ей пришлось найти вторую работу и вести курсы в Центре художественного творчества — вечерами, отработав дневную смену в кабинете массажа.

Мальчику много чего не полагалось знать, однако стенка между его комнатой и маминой спальней была куда тоньше, чем хотелось бы. Наслушавшись родительских телефонных разговоров, Купер уже не понимал, что хуже: молчание или скандалы. Отцовское молчание доставалось ему самому, крики и ругань — матери.

Мама оперлась подбородком на руку и почти искренне улыбнулась.

— Ну что, Купер? Как дела в школе?

— Нормально.

— Долги сдал?

— Ага, — соврал он.

— А ещё чем занимался?

— Да так. Учёбой, ну и вообще.

Мама шумно вздохнула.

— У Зака всё в порядке?

— Да, нормально.

— А Натолл как поживает?

— Ничего.

— Что-то они давно не заходили.

Купер дёрнул плечом.

— Дел много.

Мама ждала продолжения, но сказать больше было нечего. У Зака и Натолла дела шли хорошо. По крайней мере, так виделось Куперу из-за самого дальнего столика в школьной столовой. Если бы он ходил с друзьями в кино и в гости, когда приглашали, то, наверное, знал бы больше. Впрочем, он уже так давно ни с кем не общался, что и звать-то почти перестали. Один Зак, бывший лучший друг, ещё пытался разговаривать с Купером каждый день, но это, наверное, просто потому, что жил по соседству.

Если водиться только с самим собой, никто тебя не разочарует.

Мама снова вздохнула и решила сменить тему.

— А у тебя что нового, Джесс?

— Ой, мы сегодня такую штуку сделали на уроке!

Купер с облегчением прикрыл глаза, а Джесс принялась взахлёб рассказывать про одноклассников, про учителей, про костюмы, которые они с подружками приглядели

на Хеллоуин. По крайней мере, мальчику больше не надо было вставлять ни слова: сестра трещала без умолку. Она знала всё и про всех: кто что сказал, кто кому нравится, кто с кем не разговаривает и кто на что обиделся. Купера всегда изумляло, что Джесс тратит столько сил и времени на всякую ерунду. И как ей не надоест вникать в такие мелочи? Странно, что у неё сахар не понижается от усилий.

Он доел обед, ополоснул тарелку и подхватил с пола рюкзак.

— Мне надо делать уроки, мам. Скажешь, когда будешь уходить?

Мама оглянулась на духовку с часами и охнула:

— Ох, уже опаздываю! Помоешь посуду? Купер бросил рюкзак.

— Без проблем.

Кинувшись к вешалке за курткой, мама едва не споткнулась о большой прозрачный цилиндр, стоявший в углу.

— Джесс, это уже можно выкинуть?

— Нет! Она скоро вылупится. Надо ещё чуть-чуть подождать.

— Твоя гусеница сдохла, — сказал Купер.

— Сам ты сдох! — огрызнулась Джесс. — И это не гусеница, это кокон!

В буклете, который прилагался к ферме бабочек, было написано, что за две недели на свет должны появиться от трёх до пяти настоящих живых махаонов. Но у Джесс окуклилась всего одна гусеница, да и та висела в коконе уже два месяца.

— Ну хорошо. Твой кокон сдох. Напиши производителям, пусть вернут деньги.

— Она живая!

— Дохлая!

— Мама!

Мать выразительно поглядела на Купера, натянула куртку и повернулась к Джесс.

— Детка, твой брат, возможно, прав. Наверное, бабочка замёрзла, или ещё что.

— Надо просто подождать, — сказала Джесс и задрала нос.

Купер закатил глаза, а мама взяла с тумбочки сумку на длинном ремне и велосипедный шлем. Она поцеловала Джесс в щёку и едва не хлестнула Купера ремешком сумки, перекидывая его через плечо.

— Зайдёшь меня поцеловать, когда вернёшься? — спросила Джесс.

— Обязательно, — пообещала мама. — Купер, когда будете ложиться спать, напиши мне, какой у неё сахар. Ладно?

— Угу.

Как всегда. Интересно знать, Джесс когда-нибудь научится сама измерять себе сахар? В конце концов, сестре исполнилось десять — он-то, Купер, в этом возрасте уже вовсю помогал с её лечением. Вот только если бы Джесс научилась обходиться своими силами, с ней сразу перестали бы так носиться. Купер не сомневался: ей нравится быть в центре внимания.

Мальчик взглянул на мать и остро почувствовал: если придвинуться к ней — хоть чуть-чуть, хоть на миллиметр, — она обязательно обнимет его, прижмёт к себе. Его отчаянно потянуло вперёд, будто за невидимую верёвку, но он нарочно откачнулся назад.

У мамы дрогнули, сжались губы. Она кивнула.

— Пока, мой хороший.

Он кивнул в ответ.

Купер ополоснул под струёй воды ещё одну тарелку, подошёл к окну и стал глядеть, как мама выкатывает из гаража велосипед

и перекидывает ногу через раму. Задний фонарь мигнул красным светом. Мама ловко объехала многочисленные ямы на подъездной дорожке, докатила до улицы и скрылась за поворотом. Лишь тогда Купер позволил себе кинуть взгляд через дорогу.

— Ох ты ж! — он вздрогнул от неожиданности и весь покрылся мурашками. Да, уже успело стемнеть; но Купер мог бы поклясться, что соседские качели были пусты, когда мама выехала за ворота. А теперь на них сидела девчонка. Покачивалась туда-сюда. И таранилась на него.

Купер торопливо поднял руку и дёрнул за верёвочку. Штора опустилась, закрыв окно. Мальчик был не только ошарашен, но и смущён. Своей злости он не стыдился и не скрывал — наоборот, почти с гордостью выставлял её напоказ. Но вот боль и слёзы — дело совсем другое. Про них не должен был знать никто. Девчонка видела слишком много.

«Не думай о ней, — велел он себе. — Ни о ком не думай».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks